Вл. ОРЛОВ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ТЕМА

В свое время Александр Блок, обронивший несколько беглых, но очень тонких замечаний о Грибоедове, утверждал, что «Горе от ума» остается «неразгаданным до конца» и что «будущим русским поколениям» придется возвращаться к «трагическим прозрениям» Грибоедова, чтобы «глубже задуматься и проникнуть в источник его художественного волнения, переходившего так часто в безумную тревогу».

Блок не случайно упомянул о «трагических прозрениях» автора «Горе от ума». Чем ближе вглядываемся мы в образ Грибоедова, чем глубже вдумываемся в смысл написанного им, тем очевиднее становится драматизм его человеческой и писательской судьбы. Перед нами раскрывается трагедия несвершившихся возможностей, обманутых надежд, неисполнившихся желаний, и самое «Горе от ума» предстает, как творческое выражение той «безумной тревоги», которая действительно сжигала Грибоедова. Поэтому-то с таким громадным лирическим напряжением звучит в «Горе от ума» трагическая тема светлого разума и пламенного чувства, гаснущих в бесчеловечном мире Фамусовых, Молчалиных и Скалозубов. Эта тема пробивается сквозь сатиру и резкую картину нравов и безгранично расширяет идейный смысл комедии.

Смысл этот настолько велик, что для того, чтобы полностью раскрыть его, надобно прежде всего понять творчество Грибоедова исторически — как явление истории и факт культуры.

Идейное содержание «Горе от ума» не исчерпывается сатирическим разоблачением порядков крепостнического общества. В комедии дана широкая и во всех деталях верная историческая картина русской жизни в конце десятых — начале двадцатых годов прошлого столетия. Комедия отразила не только быт и нравы стародворянской Москвы, живущей по преданьям «времен очаковских», но и общественное брожение эпохи — ту борьбу нового со старым, в условиях которой рождался декабризм, формировалась русская революционная идеология.

Это в полной мере ощутили уже современники Грибоедова, воспринимая комедию, как произведение «вольной» (условно говоря, декабристской) литературы. Современная критика оценила «Горе от ума», как первую в России «комедию политическую».

В. О. Ключевский, конечно, имел все основания назвать комедию Грибоедова «самым серьезным политическим произведением русской литературы XIX века». В этом нет преувеличения. Комедия прозвучала, как открытый вызов миру деспотизма, хамства и подлости. Всей совокупностью своих идей, тем и образов комедия разоблачала мертвящий «дух» рабства — мракобесие, умственный застой и духовное ничтожество крепостнического общества,— все, что составляло самую атмосферу аракчеевщины и фотиевщины, в которой нечем было дышать человеку благородному, свободолюбивому и умному.

Продолжив и углубив богатые традиции русской общественной сатиры XVIII века— сатиры Фонвизина, Новикова, Капниста и Крылова, Грибоедов создал произведение, представляющее собою величайший памятник русской обличительной литературы. Но в комедии есть и громадное позитивное содержание, вмещенное в широко и свободно разработанную тему человеческого благородства и связанное с решением проблемы образа положительного героя — человека передовых убеждений и «возвышенных мыслей».

Литература 1810—1820 гг. не создала положительного героя в духе декабристских представлений о человеке и его общественной практике. Положительный герой был только задан, но художественно это задание осталось нереализованным. В образе Чацкого Грибоедов, в меру тех ограниченных возможностей, какие предоставлял ему комедийный жанр, решал проблему положительного героя — человека нового склада ума и души, воспитывающего в себе новую мораль, вырабатывающего новый взгляд на мир и на человечество. Чацкий более, чем какой-либо другой из героев русской литературы двадцатых годов, воплотил в себе черты такого нового человека, проникнутого освободительным «духом времени».

Чацкий — не только провозвестник декабристских идей. В нем также воплощена норма общественного поведения, гражданской морали. Его понимание идеи долга и практического осуществления этой идеи, страстность его обличительного тона — все это в условиях общественного и политического быта эпохи приобретало прямую агитационную направленность и великую силу моральной убедительности. Это очень хорошо понял Герцен: «Фигура Чацкого, меланхолическая, ушедшая в свою иронию, трепещущая от негодования и полная мечтательных идеалов, появляется в последний момент царствования Александра I, накануне возмущения на Исаакиевской площади; это — декабрист». Вне такого понимания нельзя правильно осмыслить и исторически оценить образ Чацкого, как главного предка гражданских героев русской литературы XIX века.

А он был таким предком. В образе Чацкого недаром так тщательно оттенены черты человека твёрдой воли, творческой активности, полноты жизненных ощущений и практического отношения к жизни. Еще Гончаров подметил эти черты характера Чацкого, резко отличающие его от закрепленных романтической традицией популярных литературных героев грибоедовской эпохи. В развитие мысли Аполлона Григорьева, доказывавшего, что Чацкий есть «единственное героическое лицо нашей литературы», Гончаров, сопоставляя Чацкого с Онегиным и Печориным, подчеркнул его превосходство над ними именно как героя, более полно воплотившего благородные человеческие стремления и пафос положительного содержания общественной и творческой практики человека. «Ими заканчивается их время, а Чацкий начинает новый век — и в этом все его значение и весь «ум». Это замечание о том, что Чацкий начинает новый век, — быть может, самое важное из всего, что было сказано о комедии Грибоедова в XIX столетии. Тот же Гончаров с большой тонкостью подметил в образе Чацкого характерные черты таких людей, как молодой Герцен и Белинский.

Грибоедов — рисунок А. С. Пушкина (1831 г.).

Чацкий — это самый отчетливый в литературе двадцатых годов образ «нового человека» — пионера освободительных идей, вестника «свободной жизни». И именно это обстоятельство прежде всего определило беспримерную идейную влиятельность комедии Грибоедова в последующие времена; Чацкий с его бурным революционно-патриотическим воодушевлением, гражданским негодованием и думой об «умном» и «бодром» народе продолжал свое историческое существование, как полный жизненной правды художественный образ типического представителя тех людей грибоедовского времени, которые на целую голову переросли свое поколение. Чацкий действительно начинал новый век. Декабрист, мужественный борец за дело, за идею, за правду, — он явился прямым предшественником лирического героя Лермонтова (не Печорина, а гражданского героя лермонтовской лирики). Далее эта линия героического «нового человека», борца и протестанта, через Герцена шла на шестидесятников, минуя «лишних людей», ведущих свое родословие от второго центрального литературного героя двадцатых годов — Онегина.

Русские просветители и революционные демократы второй половины XIX века, конечно, не случайно чувствовали глубокую внутреннюю связь и родство с Грибоедовым.

В самом деле, именно Грибоедов выдвинул громадную и новую для русской литературы его времени тему ума, точнее говоря, тему противоречия «разума» и «неразумной» действительности. Комедия Грибоедова — пьеса о горе умного человека, и горе это проистекает от его ума.

Нужно сказать, что сама проблема «ума», поставленная в комедии и сформулированная в ее заглавии (в первоначальной редакции еще более четко «Горе уму»), в грибоедовское время была чрезвычайно актуальна и осмыслялась очень широко, как вообще проблема интеллигентности, просвещения, культуры. Можно было бы привести немало данных, свидетельствующих, что с понятием «умный», «умник», как правило, ассоциировалось в ту пору представление о человеке не просто умном, но «вольнодумном», о человеке передовых убеждений и еще конкретнее — о члене тайного общества. Так, например, Пушкин в планах и набросках неосуществленного романа «Русский Пелам» (где, кстати, фигурирует и Грибоедов), рисуя широкую картину русского общественного быта, упоминает об «обществе умных», определяя его состав именами декабристов И. Долгорукова, С. Трубецкого и Н. Муравьева (второй и третий были приятелями Грибоедова с университетской скамьи). Эти же участники «общества умных» упоминаются в посвященных декабристам фрагментах сожженной X главы «Евгения Онегина». В стихотворении «Арион», содержащем явную «аллюзию» на поражение декабристов, Пушкин говорит о «кормщике умном». В 1831 г. появилась мракобесная брошюрка «Горе от ума, производящего всеобщий революционный дух». Она не имеет никакого отношения к комедии Грибоедова, но свидетельствует о живучести самого понятия «ум» в том специальном значении, которое придавалось ему в грибоедовское время.

Именно ум Чацкого ставит его вне круга Фамусовых, Молчалиных и иже с ними, вне привычных для них норм общественного поведения. Именно на этом основано в комедии внутреннее развитие драматической коллизии героя и среды: лучшие свойства и склонности героя, его разумная, пытливая мысль и благородные порывы делают его в представлении окружающих сперва «чудаком», «странным человеком», а потом просто «безумцем».

«Ум» Чацкого — также первопричина его любовного конфликта с Софьей. У Чацкого «ум с сердцем не в ладу». Его «ум» и благородство, владеющие им чувства гражданского негодования, общественного долга и человеческого достоинства вступают в острое противоречие с его «сердцем», с его нежной и страстной любовью к Софье. Интимная драма Чацкого органически включается в основную тему комедии — столкновение умного человека с неразумным обществом. Софья тоже оказывается в числе «мучителей», оскорбивших светлый ум и пламенное чувство Чацкого. Именно поэтому интимная драма Чацкого обусловлена в комедии социально, расшифрована, как следствие общественных условий, определивших судьбу одинокого мечтателя и протестанта в фамусовском мире. Именно поэтому личная и общественная драмы Чацкого не противоречат одна другой, но взаимно дополняют одна другую.

В этой связи важно отметить, что первоначальный замысел «Горе от ума» рисовался Грибоедову в иной форме. В заметке, служившей, вероятно, наброском предисловия к неосуществленному изданию комедии, он писал: «Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь, в суетном наряде, в который я принужден был облечь его». Не подлежит сомнению, что Грибоедов имел в виду в данном случае не столько внешние, в частности, цензурные причины, но и более глубокие, чисто художественные обстоятельства, связанные с природой комедийного жанра и сузившие его первоначальный замысел.

Нельзя сказать, что в комедии ничего не осталось от этого замысла. В ней есть философский центр, и центр этот — именно в проблеме ума, которую Грибоедов ставит и решает в духе просветительских концепций. Говоря в самой общей форме, философская идея «Горе от ума» может быть определена, как идея активного жизнетворческого и жизнедеятельного разума, руководимого волей и освобождающего человека из плена индивидуалистических страстей, владеющих его сознанием.

Сама по себе эта идея имеет отчетливое просветительское происхождение. Но Грибоедов был человеком своего кризисного и переломного времени. Поэтому в разработку темы ума он внес, сравнительно с просветителями, существенный корректив.

Суть дела заключается в том, что просветители XVIII века и их ученики были проникнуты пафосом исторического оптимизма. Не подозревая еще всех противоречий зарождавшегося нового, буржуазного общества, они хранили утешающую веру в «золотой век Астреи», долженствующий наступить в силу абстрактно понятой прогрессивности исторического развития и призванный утвердить в мире торжество разума и справедливости. Демократические идеи века Просвещения и буржуазной революции действительно открыли перед человечеством новые широкие пути духовного развития и общественной практики. Однако весь дальнейший ход социальной и политической жизни вступал в резкое противоречие с идеологией Просвещения, и, может быть, нигде это не чувствовалось с такой силой, как в самодержавно-крепостнической России. Здесь уместно вспомнить известные слова Энгельса (в «Анти-Дюринге»): «...возникшие вслед за «победой разума» общественные и политические учреждения оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей. Недоставало только людей, способных констатировать это разочарование, и эти люди явились с началом нового столетия».

Грибоедов принадлежал к числу этих людей. Он жил и творил в эпоху Священного Союза и аракчеевщины, в условиях суровой реакции, когда без остатка рассеялись все и всяческие утешающие иллюзии, оставив в душе и сознании лишь горький осадок. Люди, жившие лучшими надеждами, жестоко обманулись в них. Русская литература отдала обильную дань настроениям этих разочаровавшихся, обманутых жизнью людей. Молодой Грибоедов рос в атмосфере этих настроений.

Темы разочарования и одиночества охотно разрабатывались и поэтами декабризма, не вступая в противоречие с темой бунтарства и общей революционной тональностью их творчества. Отчетливо выразил подобные настроения Рылеев:

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей!
Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал...

Таким же мечтателем, пророком «свободной жизни», обманувшимся в своих лучших надеждах, испытавшим мертвящее дыхание житейского «грозного опыта», но не смирившимся перед ним, предстает Чацкий.

Иное дело, что первоначальный «высокий» замысел Грибоедова получил в комедии частичное осуществление. Однако сама коллизия страсти и долга, нашедшая выражение в личной драме Чацкого, вносит в памфлетно-сатирическую комедию быта и нравов подлинно трагическое начало. По мере развития действия из обычной комедийной ситуации вырастает тема горестной судьбы Чацкого — «нового человека» двадцатых годов, освобождающегося от ветхозаветных понятий и представлений. Глубочайший смысл пьесы заключается в том, что она показывает, как в условиях крепостнического общества обречены на гонение и гибель всякая независимая мысль, всякая живая страсть, всякое искреннее чувство. Интимная драма Чацкого разрастается, таким образом, в общественную драму целого поколения носителей передового мировоззрения декабристской эпохи.

◇◇◇

Иллюстрации С. Башилова из первого иллюстрированного издания «Горе от ума», вышедшего в 60-х годах прошлого столетия. К грибоедовскому юбилею Детгиз выпускает «Горе от ума» с иллюстрациями С. Башилова.

Неопубликованное письмо А. С. Грибоедова

ПУБЛИКАЦИЯ В. НЕЧАЕВОЙ

Центральный государственный литературный архив хранит небольшое, но немаловажное по значению собрание документов, относящихся к А. С. Грибоедову.

Наиболее значительным из неопубликованных документов является письмо А. С. Грибоедова к П. А. Вяземскому, сохранившееся в Остафьевском архиве. Оно написано им 21 июня 1824 г. из Петербурга в Остафьево (под Москвой), где проживал находившийся под надзором властей «опальный» князь. Вяземский и Грибоедов познакомились весной 1823 года. 30 апреля этого года Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Здесь Грибоедов Персидский, молодой человек с большой живостью, памятью и, кажется, дарованием. Я с ним провел только один вечер».

Частые встречи зимой 1823—1824 г., совместная работа над водевилем «Кто брат, кто сестра», неудачная постановка на сцене их общего детища, нападки журналов — все это сблизило Грибоедова с Вяземским. Но еще более, чем общие театрально-журнальные интересы, их соединяла близость общественных взглядов. Автору «Сравнения Петербурга с Москвой», «Негодования», политических эпиграмм, Вяземскому был чрезвычайно близок создатель Чацкого и фамусовской Москвы. Как раз весной 1824 года Вяземский получил предложение от издателя левого органа парижской прессы «Revue Encyclopedique», бывшего революционера и крупного политического деятеля М. А. Jullien de Paris, участвовать литературными корреспонденциями в журнале. Принимая это предложение, Вяземский написал Жюльену письмо, в котором дал уничтожающую характеристику современной официальной России и с достоинством заявлял от своего лица и от лица своих друзей: «Я вижу свою национальную гордость не в том, чтобы торжествовать по поводу того, что у нас есть, а в том, чтобы сожалеть о недостающем... и все мои благомыслящие соотечественники, конечно, разделяют мое мнение».

Публикуемое ниже письмо Грибоедова к Вяземскому показывает, что он знал об этой сохранявшейся Вяземским в глубокой тайне опасной переписке с Парижем и, мало того, как-то рассчитывал на отзыв о нем Вяземского в бюллетене для парижского журнала.

Вяземский писал Жюльену 21 мая, а 28—29 мая Грибоедов выехал в Петербург, надеясь там провести в печать свою комедию. Через три недели он написал из Петербурга письмо, в котором нашли яркое отражение и его переживания, связанные с судьбой «Горе от ума», и беспощадное осуждение всего отживающего, «кладбищного», тормозящего развитие нормальной жизни в родном «доме» — России. Попутно Грибоедов запечатлел свое глубокое уважение к человеку, посвятившему себя истории своей родины, Карамзину, дал язвительные характеристики некоторых литераторов, не отвечавших его высокому представлению о писателе, и обнаружил широту своих научных интересов, направленных на изучение лингвистики. Вот это письмо:

«Любезнейший князь, на мою комедию не надейтесь, ей нет пропуску; хорошо, что я к этому готов был, и, следовательно, судьба лишнего ропота от меня не услышит, впрочем любопытство многих увидеть ее на сцене или в печати, или услышать в чтеньи, послужило мне в пользу, я несколько дней сряду оживился новой отеческой заботливостию, переделал развязку, и теперь кажется вся вещь совершеннее, потом уже пустил ее в ход, вы ее на днях получите.

Как у вас там на Серпуховских полях? А здесь мертвая скука, да что? Не вы ли во всей Руси почуяли тлетворный, кладбищный воздух? А поветрие отсюдова.

Я еще дней на седмь буду в Москву и, конечно, загляну к вам в Остафьево, где на свободе потолкуем. — Благодарю вас за письмо к Н. М. Карамзину,—стыдно было бы уехать из России, не видавши человека, который ей наиболее чести приносит своими трудами. Я посвятил ему целый день в Царск. С. и на-днях еще раз поеду на поклон...

В Английском клубе здесь, как в Москве, ремесло одно и то же, — знать все обо всех, кроме того, что дома делается.

Шаховской занят перекройкой Бахчисарайского фонтана в 3 действиях с хор. и бал. Он сохранил множество стихов Пушкина, и все вместе представляется в виде какого-то чудного поэтического салада.

Гнедича я видел, несмотря, что у него и галстук повязан экзаметром, в мыслях и словах и поступи что-то надутое, но, кажется, что он гораздо толковее многих здесь . . . . .

Погода пасмурная, сыро, холодно, я на всех зол, все глупы, один Гречь умен, принес мне Домбровского Ins. Ling. Slav. и Клапротову Азию Полиглотту, я от сплина из Поэта перешел в лингисты на время, разумеется, покудова отсюдова вырвусь.

Прощайте любезный сподвижник, не хочу долее пугать вас угрюмым слогом. Мочи нет тошно.

Ваш слуга Г.

С. Петербург
21 июня.

NB Очень хорошо сделали, что приписали параграф для показания Jullien. Я вам очень благодарен, особенно коли не удастся мне более побывать в Москве... Это послужит вместо литературного паспорта»

Ольга ФОРШ

Чацкий и современность

Книга бессмертна, если она отвечает не только на вопросы сегодняшнего дня, но присутствует в ней и тот обобщающий, философский смысл явлений, над которым время бессильно.

Такая книга, чем дальше, тем глубже охватом. Так река, скрытая холмами, по мере их выветривания, предстоит взорам во всей широте.

Герой бессмертной комедии Грибоедова — Чацкий и в наши дни оказывается живым и действенным. Недаром сказано про него Гончаровым: Чацкий «вечный обличитель лжи, запрятавшейся в пословицу: «один в поле не воин». Нет, воин, если он Чацкий, и притом победитель...»

Чацкий — современнейший герой нашей классической литературы не только по готовности к бесстрашному, но и по тем идеям, за которые он хочет биться.

Фамусов и его присные полагали, что их практическая устроенность оправдана самой империей, законом охраняется благополучная равнина быта, только б пройти...

И вдруг, как удар грома, предостерегающий окрик Чацкого, что никакого благополучия нет, что если не спохватятся — засосет на смерть болото!

Да, бомба Чацкого попала в цель. Горячий упорный бой, «открытый им в один день, в одном московском доме, отразился на всей Москве, на всей России» пересмотром идей государства, морали и быта, все еще круто замешанных на старых дрожжах. Допетровская мораль глубоко проросла быт Фамусова. Он так уверен в ее законной необходимости, что уже никакой оглядкой не затушевывает предательскую откровенность своих речей. Тем неожиданней для него и страшней уничтожающая формулировка Чацкого:

Служить бы рад, прислуживаться тошно!

Появленье Чацкого срывает безжалостно мишурные покровы и с той жизни, которая стала уже обычной для Софьи. Быть может, у нее в глубине есть тяга к поэзии чувства, но в мертвом быту поневоле ей приходится жить, как все, хотеть, как все, чтобы у нее был «муж-мальчик, муж-слуга»...

Испуг за свое душевное разорение, когда Чацкий раскрывает ей ничтожество Молчалина, пошлость всего, чем она собирается заполнять свои дни, подсказывает Софье ядовитую реплику в ответ на трогательную простоту сердечного признания Чацкого:

— Велите мне в огонь... пойду, как на обед!

И Софья: — Да, хорошо сгорите, если ж нет?

Пред'являя любимой женщине высокие требования разностороннего развития ума, нравственного вкуса и сознательности, Чацкий как бы предваряет то далекое будущее, когда «женский вопрос», как это случилось в наши дни, заменится полным раскрепощением женщины. Но и перед ней, ныне свободной, не перестают стоять требования тех самых высших, человеческих качеств, которые в свое время пред'являл Чацкий дочери Фамусова.

Тем, что комедия Грибоедова и сейчас современна, ее значение расширено. И в наши дни актер должен Чацкого играть по-иному. Из главных монологов пора выпасть интонациям резонера. Чацкий, сегодня прочитанный, — не резонер. У него иной подтекст. Совершенная пробужденность его органической активности всегда подспудно накапливает грозную, свежую силу, — это не темперамент резонера.

«Горе от ума» — не только произведение великого нашего писателя, не только торжество прекрасного русского языка,— это бессмертный памятник преодолению всякой косности.

◇◇◇

Рис. С Башилова
Из первого иллюстрированного издания «Горе от ума».

ОКОНЧАНИЕ ДОКЛАДА Л. ЛЕОНОВА

Начало см. на 1 стр.

чего нет чужого,—страдает болезнию близняго, кипит при слухе о чьем-нибудь бедствии». Кроме близких, об этом не подозревал никто. Внешне он был всегда замкнут, как раковина. И может быть поэтому в ней вызрела лишь одна жемчужина.

За 15 лет он написал около 30 произведений, некоторые — в сообществе с талантливыми друзьями. В ту пору этот вид деятельности вряд ли сам он считал для себя главнейшим. На стихах его часто лежит печать пресловутого шишковского корнесловия. В драме «1812-й год» наравне с живыми должны были действовать некоторые «усопшие исполины», а в «Грузинской ночи», последнем даре грибоедовской музы, также тайные духи производят всякие сомнительные поступки. Петербургские друзья, захлебываясь, твердили автору, что «Горе» только разбег к этому гениальному творению, но сам Грибоедов молчал, понимая, что они аплодировали не литературе, а Анне 2-й степени с алмазами, что украшала к тому времени грудь поэта. Так случается иногда с друзьями.

«Горе от ума», как гора, возвышается над остальным наследием Грибоедова. Не будь его, в примечании к истории литературы было бы кратко сказано, что это был выдающийся русский дипломат, который в молодости не чуждался поэзии. То был писатель одной темы, однолюб, человек, горевший в одно пламя, как родятся люди об одной ране в душе, вне зависимости—ранена она мечтой, любовью или другим смертельным недугом... Пушкин со своей плеядой, как веселое созвездие, ворвался в темное небо николаевской зимы,— Грибоедов вошел как бы в сумерках; сквозь них не различить какие-то самые существенные черты его биографии, и оттого каждый волён по-своему заполнять эти пробелы.

Думается, какая-то ужасная подробность, какими изобиловали будни крепостнической семьи, в раннем детстве хлестнула по чуткому сердцу мальчика Александра. И ничто впоследствии—ни гусарские развлеченья, ни целительная тишина гор кавказских не могли заживить эту мимолетную царапину. Может быть, это случилось по выходе из армии, в один из приездов в Москву. Как нам известно, близ этого времени мать его, костромская помещица, очень не хорошо поступила со своими крепостными рабами. Но неспроста лучшее, что исходило из-под грибоедовского пера, включая гордое, почти пушкинское —

Покорный времени и вкусу,
Я презираю слово: раб, —

относится к этой теме. Значит, лишь одна мелодия его души, как таинственный нектар, привлекала его музу, — не потому, что была капризна или жалостлива, а потому, что была умна. Может быть, глубже своих современников Грибоедов видел, насколько крепостные цепи мешают России осуществить ее исторические предначертанья. Все, включая Пушкина и помянутого Муравьева-Карского, отмечали выдающийся ум Грибоедова.

Меня и взяли... в главный штаб —
И потянули к Иисусу

О всяком авторе одной знаменитой книги можно написать книгу столь же знаменитую. Создатель единственного и вполне зрелого произведения сам по себе является литературной проблемой. Не по поводу ли отсутствия такой книги и сказал Пушкин, встретив мертвого Грибоедова на перевале: мы ленивы и нелюбопытны. Личная трагедия Грибоедова заключалась в силе его прогрессивного ума, вынужденного прятаться в «уединенья уголок». Если Пушкин писал жене: «чорт догадал меня родиться в России с душой и талантом», Грибоедов сказал бы — «с талантом и умом». Мне кажется, Пушкину было легче: он целиком растворялся в поэтической стихии, он был, как Мидас, — все обращалось в золото, к чему ни прикасалось его перо. Не кастальских источников, не легкого хмеля поэзии, но черного хлеба насущной жизни искала грибоедовская муза. Взрывчатый ум одного стоил пленительной души другого. В этом заключалась их разница — при гениальности обеих этих стихий. Оба Александры Сергеичи—они стояли во главе века, оба имели лучших друзей среди декабристов, оба были нужны им, как порох и песня.

Ленин привел блистательную герценовскую характеристику декабристов. Это «богатыри, кованые из чистой стали с головы до ног, воины — подвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение». История их известна, но не дошли до нас документы, рисующие степень участия Грибоедова в заговоре. Бумага любит гореть, и, верно, черный снег шел над русскими столицами после того, как царь с коня крикнул России—«на колени!»

Уже у Рылеева слышатся нотки обреченности, но лишь Грибоедов понимал, что «радикальные потребны тут лекарства» и не словесным горчишником Чацкого можно растопить вековой лед России. Романтика оторвала этих благородных и смелых русских людей, декабристов, от земли и отлилась от них антеева сила. Даже языка общего не было у них с народом. Обращения к войскам они подписывали словами—«единоземец», «любитель отечества», «сострадатель несчастным», — до обидности переводные, не народные слова. Стоит только представить Чацкого в роли агитатора в чадной вологодской избе, у лучинушки, где бабки наши ткут километры холста на местную Салтычиху!

Отсюда рождаются молчание и задумчивость Грибоедова после написания «Горя». В самом деле, не смерть же Шереметева на дуэли так повлияла на него, как говорят современники, — того самого Шереметева, что жил, как трутень, лез в драку, как комар, и помер безболезненно, как муха. В эту пору Грибоедов тревожно чувствует движенье времени. Фигуры уже расставлены для неравной игры, и скоро умрет Александр в Таганроге, и уже свита та веревка, которую палач разрежет на пять братских кусков. Вот фразы из его писем того периода — «мне невесело, скучно, отвратительно, несносно!.. ожидают от меня, чего я может быть не в силах исполнить... Пора умереть! Не знаю, отчего это так долго тянется... Подай совет, чем мне избавить себя от сумасшествия или пистолета...» И правда, зачем ему нужно впоследствии гулять под пулями, о чем Паскевич сообщал его матери, или выдержать на себе сотню выстрелов вражеских батарей?.. Его сомненья оправдались: народ, который, держа топор в одной руке, пятьдесятью миллионами других рук мог бы по песчинке разнести Зимний дворец,— этот народ безмолвствовал на рассвете 13 июля 1826 года. Он не знал.

И тогда родились у Грибоедова эти горькие разочарованные строки. «Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими! Иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие... конечно бы, заключил из резкой противуположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами».

Всю последующую жизнь Грибоедов помнил глаза товарищей, уходивших в атаку. Молчал и помнил, как помнил и молчал Николай. Царю неинтересно было, стояло ли имя Грибоедова в декабристских списках, ему важнее было знать, где находился бы поэт, если бы дворцовый переворот осуществился. Убить Грибоедова, как и Пушкина, сразу он не посмел: негоже русскому царю на глазах у россиян отнимать у русских гениев у России. Но он заковал его в чины и ордена, и он сослал его в таком виде. Только эта вторая поездка в Персию, в которой писатель трагически предвидел свой конец, была особой ссылкой, когда ссыльный является начальником своего конвоя. К прежней грибоедовской маске сдержанности присоединилась сановная солидность, даже грозность в дипломатических переговорах... но как униженно и напрасно молит он Паскевича об опальных друзьях, припадая к его руке. Последняя вспышка, дружба века!.. Муза его молчит, он нем, как гроб, по его признанью. «Потружусь за царя, чтобы было чем детей кормить» — вот последняя, неразгаданная Булгариным, самая злая фраза его жизни. Здесь начинается другой Грибоедов, мудрый дипломат и государственный деятель, каких, на наше счастье, немало было у России.

Он уже «не похож на себя на прежнего, на прошлогоднего, на вчерашнего даже». Живи он еще сотню лет, он написал бы лишь улучшенную редакцию «Горя»,—улучшенную в отношеньи Софьи, в которую было брошено столько камней, включая пушкинский, — Софью, ровесницу Татьяны Лариной, Наташи Ростовой и «русских женщин» Некрасова!.. Пламя еще не ушло из сердца, но теперь оно будет теплиться долго, терпеливо, экономно. Когда звезда гаснет, на ней рождаются цветы и дети. Хлопоча за свойственника перед Паскевичем, он прячется в свою же фразу — «как станешь представлять к крестишку ли, к местечку, ну как не порадеть родному человечку». Что ж, «пора бы дальше речь завести о генеральше!». И вот он стоит под венцом с Ниной, дочерью знаменитого грузинского писателя Чавчавадзе. Ее детская любовь была самым дорогим венком в его прижизненной неполной славе. Спасибо Грузии, спасибо Нине за нашего Грибоедова. Отсюда пошла старинная крозная связь литератур грузинской и русской!.. Потом от'езд. На границе его встречает чума... Четыре месяца спустя история рукой убийц опускает занавес над этим сверкающим явлением русской мысли.

Затем Грибоедов возвращается на родину. Вот как возвращается на родину Грибоедов. «Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу.—Откуда вы? — спросил я их. — Из Тегерана. — Что вы везете? — Грибоеда. Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис». Во всей мировой литературе нет для нас строк печальней этих. Без слез нельзя себе представить обстоятельства последнего свиданья поэта с Ниной, — как шумело пламя факелов, царапая обступившую ночь, как билась на длинном черном ящике при этом грузинская девочка-вдова, русская женщина Нина Грибоедова.

«Ум и дела твои бессмертны в памяти русской», — начертала она на могильном камне мужа.

Все ищут своего счастья в мире. Грибоедов пренебрег им. В эпохи, когда открываются новые горизонты, ум и маленькое обывательское счастье несовместимы. Гений живет дальше пределов, до которых может дотянуться его рука. Его единственное удовлетворение — в сознании выполненного долга... Но если, по его примеру, долг этот выполняется одновременно всем народом, и нет в его организме ни одной не напряженной мышцы, как в разуме — праздной мысли, тогда иное, великанское, коллективное счастье нисходит в эту благословенную страну. Вот вражеское железо коснулось нашего сердца, и пламя рванулось из раны, и горе тому, кто встал на его пути! Оглянитесь на себя: победная гордость, которая ныне живет в вас, не есть ли оболочка истинного счастья?

Привычные ко всему, мы забываем, что деяния великих, как паруса, ведут наш корабль вперед. И только на грозовом ветру испытаний мы постигаем, что означает для нас их утрата. Так было с нами в черную осень 41-го года, когда с предельной остротой, родившей наши зрелость и могущество, мы поняли, что значит для нас Москва и Революция, Культура и Сталин, чье имя стало нынче всемирным паролем победы над фашизмом. Мы привыкли к мысли, что есть у нас Грибоедов, и мир привык, что щедра была от века на великих наша земля.

Но близок день, когда человечество по-новому взглянет на историю русской мысли. Оно захочет узнать, откуда же взялась освободительная сила людей, которые избавили его от смертельнейшего из недугов. Благодарное и изумленное, закинув голову, оно еще раз вглядится в лица Ленина и Пушкина, Грибоедова и Толстого, освещенные зарей нового утра. И тогда все, что есть честного в мире, земно поклонится вам, духовные предки советского солдата, который нынче собственной кровью, намечает дорогу честнейшему сталинскому гуманизму!